

УДК 167+81-11

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-46-57

**Л. Б. Сандакова**

*Новосибирский государственный технический университет  
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630092, Россия*

*l.sandakova@mail.ru*

## **ЯЗЫК, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ \***

Рассматриваются методологические аспекты проблемы взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира. Уточняется содержание понятий «мировоззрение», «картина мира», «культура», «язык» в их взаимной соотнесенности. Рассматривается потенциал некоторых направлений и школ отечественной лингвистики в изучении обозначенной проблемы. Выявляются исследовательские концепты лингвистических теорий, связанных с осмыслением взаимосвязи языка, мышления, культуры. Выдвигается гипотеза о методологическом значении принципа дополнительности в построении исследований по заявленной проблеме.

*Ключевые слова:* язык, мировоззрение, картина мира, культура, методология исследования, антропоцентрический поворот, лингвокультурология, принцип дополнительности.

*Проблема и ее актуальность.* Мировоззрение – основание и результат человеческой деятельности. Вопросы формирования и коррекции мировоззрения, объяснения и согласования различных типов мировоззрения – это важнейшие вопросы социально-гуманитарного проектирования, регулирования, прогнозирования. Поскольку мировоззрение – это сложный комплекс взглядов и установок различного уровня (рациональных и иррациональных, осознаваемых и неосознаваемых, контролируемых и неконтролируемых), то и проблема исследования детерминант мировоззрения оказывается чрезвычайно сложной и неоднозначной. Наиболее перспективным в этом отноше-

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).

нии представляется исследование языковых детерминант, поскольку коммуникативная деятельность – это основной канал информационной взаимосвязи носителей мировоззрения. Язык, понимаемый широко, как система знаков, служащая для информационной взаимосвязи в социальных системах, тесно связан со спецификой мировоззрения, а значит, является как источником информации о мировоззрении, так и способом влияния на него.

Для исследователя в изучении этой связи проблемными оказываются прежде всего методологические вопросы. Во-первых, не имеют терминологической определенности понятия «мировоззрение», «картина мира», «культура». Во-вторых, языковедение и культурология, обращаясь к подобным исследованиям, полипарадигмальны и могут использовать принципиально различающиеся методологические подходы к рассмотрению одних и тех же вопросов. В-третьих, заявленная проблемная область носит междисциплинарный характер, что также требует внимательно отнестись к методологическим вопросам исследования.

*Задачи* данной статьи: 1. Уточнить содержание понятий «мировоззрение», «картина мира», «культура», «язык» в их взаимной соотносительности. 2. Рассмотреть потенциал некоторых направлений и школ отечественной лингвистики в исследовании взаимосвязи языка, мировоззрения и картины мира.

Понятия «мировоззрение» и «картина мира» входят в тезаурус философских размышлений и социально-гуманитарных исследований в эпоху формирования классической рациональности, отражая появление особого отношения человека к существу. М. Хайдеггер, размышляя по поводу времени картины мира, обозначает это отношение как противопоставленность человеку бытия сущего и его переход в сферу человеческой компетенции и распоряжения [1993]. Оба понятия значительно эволюционировали, и на сегодняшний день исследователи отмечают большое разнообразие и неопределенность во взглядах по поводу нюансов их соотношения и содержания [Арутюнян, 2006; Рахматуллин, 2015]. М. П. Арутюнян, например, рассматривая различные подходы к понятию «мировоззрение», обнаруживает следующие его значения: «предпосылочное знание», «смысловой контекст», «стиль мышления» (Л. А. Микешина), «картина мира» (В. С. Степин), «дух эпохи», «идеология» (К. Мангейм), «научная идеология» (марксистско-ленинская философия), ментальность (историческая школа «Анналов»). И даже фиксирует наличие методологического мифа «отсутствия мировоззрения» [Арутюнян, 2006]. Зачастую понятия «мировоззрение» и «картина мира» используются как инту-

итивно ясные: взгляды человека на мир, отдельные его составляющие и самого себя в этом мире. В ряде исследований характер постановки проблем таков, что различения этих понятий не требуется, они понимаются как тождественные и содержательно означают модель мира, в которой обобщены опыт и представления субъекта социальной деятельности [Гураль, 2008].

Закономерно, что в эпоху серьезных социальных и антропологических трансформаций методологическая актуальность понятий, отражающих отношение «человек – мир», возрастает. Поэтому в исследованиях, где необходимо разбираться с особенностями и детерминантами становления мировоззрения, трансформации картины мира, учитывая при этом разный уровень субъектности, этим понятиям необходимо придать терминологический статус и выявить параметры их различения. Воспользуемся методом феноменологической работы с понятием.

«Картина мира» предполагает целостный характер представлений о мире и некоторую статичность, фиксированность (относительную, разумеется) этих представлений. Существовая в образной или понятийной форме, эти представления носят рефлексивный характер, связанный с некоторой определенной целью, вычлененной субъектом, носителем картины мира, в своей многообразной деятельности. В понятии же «мировоззрение» отражается сложный, многоуровневый и внутренне противоречивый, процессуальный характер отношения человека к миру. Здесь вряд ли можно говорить о системной целостности и рефлексивном характере всех функционалов мировоззрения (мироощущение, миропонимание, мирозерцание и т. п.) [Рахматуллин, 2015]. Зато следует подчеркнуть значимость нерациональных компонент и непосредственную связь с деятельностью субъекта – носителя мировоззрения. Картина мира опосредованно связана с деятельностью: она выполняет роль некоторой «ментальной карты», модели отражающей действительность [Гураль, 2008], но всегда условно и в некоторых границах. Поэтому, например, в рамках одного мировоззрения вполне можно оперировать фрагментами нескольких различных картин мира. Или же в рамках одной картины мира (научной, например) могут формироваться различные индивидуальные мировоззренческие комплексы. Картина мира выступает как некоторый временный результат мировоззренческой работы субъекта, который при этом может быть объективирован – представлен в знаковой форме для взаимодействия в коммуникативном процессе.

Обозначим содержание рабочих понятий исследования. *Мировоззрение* – комплексное воззрение человека или группы людей на мир

и свое место в этом мире. Мировоззрение процессуально, амбивалентно по своей природе и непосредственно связано с деятельностью и переживаниями субъекта – носителя мировоззрения. *Картина мира* – относительно устойчивая совокупность представлений, понятий, образов, в которой мир представлен как некоторая осмысленная целостность, «ментальная карта», может выступать основанием мировоззренческого процесса и его результатом.

Учитывая позицию ряда отечественных исследователей (Т. О. Бажутина, М. И. Дробжев, Р. Ю. Рахматуллин и др.), полагаем возможным говорить о разнорядковости субъектов мировоззрения и носителей картины мира, коими могут выступать: 1) индивиды; 2) устойчивые группы людей различной степени общности (этнические, религиозные, научные и т. д.); 3) человечество в целом. Это позволяет в общих чертах представить диалектику взаимодействия и развития мировоззрения и картины мира. Так, в онтогенезе мировоззрение индивида формируется в условиях уже существующей некой общечеловеческой и коллективной картины / картин мира, что безусловно определяет некоторые его существенные характеристики. С другой стороны, специфика индивидуального развития и опыта деятельности способствует формированию уникальных характеристик индивидуального мировоззрения. В зависимости от социальной значимости такого рода «отклонений» и новаций, они в большей или меньшей степени влияют на изменение картины мира более высокого порядка (т. е. коллективной или общечеловеческой).

Исследование мировоззрения и картины мира невозможно вне культуры, в которой осуществляют свою жизнедеятельность субъекты мировоззрения. Различные элементы культуры (материальные и идеальные) создаются людьми и отражают специфику как коллективной картины мира, так и индивидуального мировоззрения. Коллективная картина мира консолидирует индивидов в их совместной жизнедеятельности, поскольку задает ряд общих значимых для жизни человека в обществе смыслокомплексов (представлений, знаний, образов, ценностей), закодированных в материальных и идеальных элементах культуры. В семиотике такие системы кодов называют языками культуры. Под языком, таким образом, можно понимать знаковые системы, способные объективировать, фиксировать, хранить и передавать смыслы и значения различных процессов и явлений действительности. В более узком понимании, которым гораздо чаще пользуются в лингвистике, язык – это система знаков, которая соотносит содержание понятий и их формальное выражение. И в узком и в широком понимании человеческие языки неразрывно связа-

ны с культурой и двойственны: имеют объективную и субъективную стороны. Поскольку значения и смыслокомплексы «распаковываются» в индивидуальном опыте освоения культуры или ее языковой составляющей, результат всегда имеет черты уникальности. Однако же мера этой уникальности ограничена самой культурой: нормами, традициями, ценностями, правилами, материальными культурными предметами и объектами (ведь каждый из них предполагает некоторую заложенную в него функцию, смысл, отношение). Выход за границы культуры в индивидуализированной интерпретации смыслокомплекса расценивается как маргинальность, отклонение от нормы или даже преступление. Таким образом, коллективные картины мира оказываются неотъемлемой частью культуры данного сообщества. В то же время индивидуальная картина мира, сформированная в условиях определенной культуры, всегда обладает той или иной степенью уникальности.

Данному представлению о взаимосвязи культуры, мировоззрения и картины мира релевантно понимание культуры, предложенное в работах М. С. Кагана [1996] и Т. О. Бажутиной [1995], посвященных проблемам формирования культуры и творчества. Показывая, что культура – «это не только структура групповых взаимодействий» но и «конституирование в определенном времени и определенном пространстве меры неопределенности творческого поведения человека» [Бажутина Н., Бажутина Т., 2014. С. 160], исследователи определяют культуру «как исторически устойчивую меру репродуктивно-творческого отношения к действительности, обеспечивающую целостность индивидуально-коллективной жизнедеятельности индивида и общества при самоорганизации и саморазвитии социальной жизни» [Там же. С. 191]. Методологическая значимость такого понимания культуры заключается в следующем: 1) позволяет построить востребованное ныне представление о человеке как о противоречивом единстве биологического и социального, коллективного и индивидуального, объективного и субъективного; 2) способно аккумулировать различные подходы к пониманию и изучению культуры: описательные, исторические, нормативные, ценностные, символические; 3) способно выполнять роль концепта в объяснении и прогнозировании различных элементов и феноменов культуры. Все это имеет значение в исследовании связи языка (важнейшей составляющей культуры), мировоззрения и картины мира.

Предыдущие размышления позволяют предполагать, что в наибольшей степени решению задач такого исследования должна удовлетворять теория и методология лингвокультурологии. Она слож-

лась как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последней трети XX в. и, по словам В. Н. Телия, «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [1996. С. 222]. Однако, будучи достаточно молодой исследовательской областью, претендующей на междисциплинарность своей методологии, лингвокультурология не имеет отчетливой дисциплинарной онтологии и понятийного аппарата. Это отмечают как исследователи истории лингвистики [Алпатов, 2016], так и собственно теоретики лингвокультурологии [Воробьев, 2006].

Зародившись в недрах философии, идея взаимообусловленности языка, культуры, картины мира и мировоззрения была положена в основу научных лингвистических исследований Ф. В. Гумбольдтом. Немецкий мыслитель развивает представление о языке как динамической, развивающейся системе, выражающей духовную силу и интеллектуальную жизнь народа.

Талантливым отечественным продолжателем идей Гумбольдта был языковед А. А. Потебня. В его работах язык рассматривается в развитии, как формальном, так и содержательном. Серьезное внимание уделяется экстралингвистическим данным и коммуникативной функции языка, что обуславливает и обращение к вопросам понимания, творчества, уникальности. В своих исследованиях А. А. Потебня предложил множество плодотворных идей, получивших затем разработку в разных направлениях лингвистики и смежных наук. К таковым можно отнести разграничение языка и речи, рассуждения о синхронии и диахронии в методологии языкознания, поиск в грамматических формах языка механизма порождения мысли, различение содержания, внутренней и внешней формы слова, использование антиномий для описания явлений языка и «содержания ранних состояний картины мира» [Байбурин, 1989. С. 7]. А. К. Байбурин отмечает, что «исключительная плодотворность теоретических изысканий А. А. Потебни во многом объясняется тем, что язык для него не изолированный феномен» [Там же. С. 5].

Большое количество фактов и предположений, накопленных в языкознании, требовало своего истолкования. И на фоне общих позитивистских установок в науке, стремление исследователей языка к объективности знания и методологической определенности формирует лингвистический структурализм, согласно которому структура языка (грамматические и семантические его категории) определяет мышление, понимание и способ познания реальности. В отечественной лингвистике большая заслуга в становлении и развитии структуралистской методологии принадлежит И. Бодуэну де Куртенэ,

Ф. Фортунатову, В. Виноградову, А. Шахматову, представителям русской эмиграции Н. Трубецкому, Р. Якобсону, и др. [Засорина, 1974]. Ряд концептуальных идей и понятий структурной лингвистики весьма продуктивны в объяснении языковых детерминант мировоззрения и картины мира. Особого внимания здесь заслуживает семиотическая школа (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Б. А. Успенский и др.), которая в своих теоретических построениях вышла далеко за рамки сугубо лингвистической проблематики.

Однако, как отмечает В. М. Алпатов, ориентация структуралистской методологии на объективизм, изучение языка лишь как системы правил, а не деятельности [2016], имеет эвристические границы: результатом такого познания являются лишь абстрактные схемы и модели, далекие от реальных процессов. Поэтому в языкознании постепенно возвращается гуманитарный компонент. Это происходит на фоне изменения типа научной рациональности и под значительным влиянием феноменологии, герменевтики, экзистенциализма. Определяющими становятся идеи развития, неопределенности, контекстуальности, актуализируется значимость человека как субъекта деятельности, языковой или коммуникативной в первую очередь. В отечественном языкознании это ярко проявляется в работах Ю. М. Лотмана, Л. В. Щербы, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Г. И. Богина и др. Постепенно меняется исследовательская парадигма: на смену системоцентризму (где именно структура играла определяющую роль в понимании языка как системы) приходит антропоцентризм [Кубрякова, 1994; Маслова, 2001; Алпатов, 2016]. Антропологический поворот и развитие междисциплинарных направлений открывают исследовательское пространство, но серьезно усложняют методологические задачи. В этой ситуации представляется важным: 1) вычленить ключевые концепты, объясняющие исследовательские программы в разных лингвистических теориях; 2) определить методологические принципы, позволяющие максимально учитывать смысловой потенциал всех этих концептов.

Обзор основных теоретических концепций языкознания [Демьянков, 1995, Амирова и др., 2006] позволяет выявить основные понятия, выполняющие роль исследовательских концептов в различных лингвистических теориях. Во-первых, это концепт «системность» и связанные с ним ключевые термины: элемент, структура, функция, целостность. Во-вторых, это – «контекст»: от широкого – социокультурные условия, до самого узкого – событие коммуникативного взаимодействия. В-третьих, это – «субъект языкового взаимодействия»: от широкого – этнокультурная общность, до узкого – индивид с его



особенностями мышления, восприятия, опыта жизнедеятельности. Причем он может быть как передающим информацию, так и принимающим ее: в этих различных ипостасях язык ему по-разному дан. В-четвертых, это концепт «развития», под которым понимается направленное изменение качественных характеристик объекта во времени. Важную концептуальную роль играют понятия «смысл» и «значение». В понимании их содержания и соотношения существуют серьезные разногласия, что необходимо учитывать в работе с лингвистическими теориями.

В различных теориях языка признается или игнорируется значимость тех или иных концептов, формируя некоторое многообразие подходов к описанию, объяснению, прогнозированию языковых процессов. Например, очевидно, что в структурализме при общей установке на признание системности языка, значимым оказывается идея структуры – того, что определяет относительную устойчивость системы в различных условиях. Функционализм более значимым считает функции системы, которые определяют структуру и элементы. Соответственно, требуется учитывать также специфику субъекта и условия функционирования. А в интерпретационистских направлениях субъект и контекст определяют форму и содержание языкового события.

Какие методологические принципы позволяют максимально учитывать потенциал различных концептов, особенно если они задают противоположные подходы к построению исследования? Если мы изучаем структуру и нормативные аспекты языка, можно обнаружить значимые закономерности и связи, но от нас «ускользает» то, что имеет отношение к реальной жизни языка. Если же мы пытаемся понять язык вместе с говорящим на нем человеком, учитывая всю специфику ситуации, теряется научная строгость исследования. В. М. Алпатов, анализируя два подхода к изучению языка [2016. С. 218], небезосновательно упоминает о принципе дополнительности, сформулированном в физике Н. Бором. Этот принцип имеет серьезный методологический потенциал, что понимал уже и сам Н. Бор, говоря о возможности его использования в гуманитарных исследованиях [1971. С. 58, 358]. В лингвистике на значение этого принципа указывали Р. Якобсон и М. Бахтин. Отечественный философ и методолог М. Розов в работе «Теория познания» [1995] посвятил рассмотрению дополнительности в гуманитарных науках IV главу в 4-м томе. Говоря о языковом взаимодействии как о социальной эстафете, М. Розов на примерах показывает дополнительность объясняющего (аналог абстрактного объективизма) и понимающего (аналог индивидуали-



стического субъективизма) подходов в изучении языковой деятельности [Там же].

Принцип дополнительности, таким образом, допускает и предполагает сосуществование логически несовместимых исследовательских стратегий, каждая из которых обладает особой значимостью. Детальный анализ методологических возможностей данного принципа применительно к задачам исследования взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира должен стать предметом отдельной статьи.

### Список литературы

- Алпатов В. М.* Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. Вып. 1 (23). С. 198–220.
- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.* История языкознания. М.: Academia, 2006. 672 с.
- Арутюнян М. П.* Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: Дис. ... д-ра филос. наук. Хабаровск, 2006. 352 с.
- Бажутина Т. О.* Формирование культуры и творчества в антропо-социогенезе: Дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1995. 325 с.
- Бажутина Н. С., Бажутина Т. О.* Человек, культура, творчество: Моногр. Новосибирск, 2014.
- Байбурин А. К. А. А.* Потебня: философия языка и мифа // А. А. Потебня. Слово и миф: Сб. работ разных лет. М.: Правда, 1989. С. 3–10.
- Бор Н.* Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. 674 с.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. 330 с.
- Гураль С. К.* Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrenie-kartina-mira-yazyk-lingvisticheskiy-aspekt-sootnosheniya-1> (дата обращения 27.07.2018).
- Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
- Засорина Л. Н.* Введение в структурную лингвистику: Учеб. пособие для студентов филологических специальностей ун-тов. М.: Высш. шк., 1974. 319 с.
- Каган М. С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
- Кубрякова Е. С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Серия литературы и языка, 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Потебня А. А. Мысль и язык // А. А. Потебня. Слово и миф: Сб. работ разных лет. М.: Правда, 1989. С. 17–200.

Рахматуллин Р. Ю. Картина мира и мировоззрение // Молодой ученый. 2015, № 14. С. 632–635.

Розов М. А. Явление дополнительности в гуманитарных науках // Теория познания / М. А. Розов; под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана: В 4 т. М., 1995. Т. 4: Познание социальной реальности. С. 208–227.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; коммент. В. В. Биbihина; серия «Мыслители XX в.». М.: Республика, 1993. С. 41–63.

*Материал поступил в редколлегию 24.09.2018*

## **L. B. Sandakova**

*Novosibirsk State Technical University  
20 Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630092, Russian Federation*

*l.sandakova@mail.ru*

### **LANGUAGE, WORLDVIEW, WORLD PICTURE: THE PROBLEM OF INTERDEPENDENCE**

The article examines the methodological aspects of the problem of the interdependence of language, world outlook and the picture of the world. The content of the concepts «worldview», «world picture», «culture», «language» in their mutual correlation is specified. The potential of some directions and schools of Russian linguistics in studying this problem is considered. The paper also identifies the research concepts of linguistic theories associated with understanding the relationship of language, thinking, and culture. The author advances a hypothesis on the methodological significance of the principle of complementarity for the study of these problems.

*Keywords:* language, worldview, world picture, culture, research methodology, anthropocentric turn, cultural linguistics, principle of complementarity.

## References

Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka [Two approaches to the study of language]. *Istoriya i sovremennost* [History and Modernity], 2016, no. 1 (23), p. 198–220. (In Russ.)

Amirova T. A., Ol'khovikov B. A., Rozhdestvenskii Yu. V. *Istoriya yazykoznaneya* [History of Linguistics]. Moscow, Academia Publ., 2006. (In Russ.)

Arutyunyan M. P. *Mirovozzrenie: ontologicheskii i metodologicheskii podkhody* [World View: Ontological and Methodological Approaches]: PhD thesis. Khabarovsk, 2006. (In Russ.)

Bazhutina T. O. *Formirovanie kultury i tvorchestva v antroposotsiogeneze* [Formation of Culture and Creativity in Anthroposociogenesis]: PhD thesis. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

Bazhutina N. S., Bazhutina T. O. *Chelovek, kultura, tvorchestvo: monografiya* [Man, Culture, Creativity: monograph]. Novosibirsk, 2014. (In Russ.)

Baiburin A. K. A. A. *Potebnya: filosofiya yazyka i mifa* [A. A. Potebnya: philosophy of language and myth]. A. A. *Potebnya. Slovo i mif: Sbornik rabot raznykh let* [Word and myth: Collection of works of different years]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p. 3–10. (In Russ.)

Bor N. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Scientific Works]. Moscow, 1971, vol. 2. (In Russ.)

Vorob'ev V. V. *Lingvokulturologiya* [Lingvoculturology]. Moscow, RUDN Publ., 2006. (In Russ.)

Gural S. K. *Mirovozzrenie, kartina mira, yazyk: lingvisticheskii aspekt sootnosheniya* [World outlook, world picture, language: a linguistic aspect of correlation]. *Yazyk i kultura*. 2008. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrenie-kartina-mira-yazyk-lingvisticheskiiy-aspekt-sootnosheniya-1> (accessed 27.07.2018). (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. *Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka* [Dominant linguistic theories at the end of the 20th century]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, 1995, p. 239–320. (In Russ.)

Zasorina L. N. *Vvedenie v strukturnuyu lingvistiku: Ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh spetsialnostei universitetov* [Introduction to Structural Linguistics: Textbook for students of philological specialties of universities]. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1974. (In Russ.)

Kagan M. S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. (In Russ.)

Kubryakova E. S. Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee sovremennyy status [Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its modern status]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1994, vol. 53, no. 2, p. 3–15. (In Russ.)

Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Cultural Linguistics]. Moscow, Izd. Centr «Akademiya», 2001. (In Russ.)

Potebnya A. A. Mysl i yazyk [Thought and Language] / A. A. Potebnya. *Slovo i mif: Sbornik rabot raznykh let* [Word and myth: Collection of works of different years]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p. 17–200. (In Russ.)

Rakhmatullin R. Kartina mira i mirovozzrenie [The picture of the world and the worldview]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 14, p. 632–635. (In Russ.)

Rozov M. A. Yavlenie dopolnitelnosti v gumanitarnykh naukakh [The phenomenon of complementarity in the humanities]. *Teoriya poznaniya: V 4 t.* [Theory of Knowledge: In 4 vols.]. Moscow, 1995, vol. 4: Cognition of social reality, p. 208–227. (In Russ.)

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii lingvokulturnyi aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, Linguocultural Aspects]. Moscow, Iazyki russkoi kultury Publ., 1996. (In Russ.)

Heidegger M. Vremya kartiny mira [Time picture of the world]. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and speeches]: (transl. from German, comments by V. V. Bibikhin, series «Thinkers of the Twentieth Century»). Moscow, Respublika Publ., 1993, p. 41–63. (In Russ.)